

ИДЕЯ ДВОЕМИРИЯ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА В ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Р. ЧИЧИНСКАЯ

Методологической основой анализа символа как лингвопоэтической категории является положение о диалектическом единстве формы и содержания. Исходя из этого, структуру поэтического символа можно представить как динамическое развертывание смысловых перспектив посредством тропических и других преобразований лексемы. Символические формы – словесный образ (троп), понятийный образ, знак реалии, миф и т. п. – „специфицирует знаковую выраженность символа в модальном отношении его возможности (аллегория, понятие, явление, тип), действительности (метафора, образ, олицетворение) и необходимости (парабола, миф)” [Свасьян, 1980, с. 115]. В поэтическом тексте модальность, а именно представление поэтического смысла в аспекте условной реальности/ирреальности, иллюзорности, создает смысловую перспективу, или, по терминологии К. А. Свасьяна, метаморфему символа, проявляющуюся через символические формы – морфемы [там же, с. 94]. Сопоставляя, в частности, символ и миф, К. А. Свасьян опирается на следующее высказывание Е. М. Мелетинского: „Мифология постоянно передает менее понятное через более понятное, неуловимое через уловимое и особенно более трудно разрешимое через менее трудно разрешимое (отсюда медиация) [Мелетинский, 1976, с. 169], – и приходит к выводу, что „отмеченное Е. М. Мелетинским соотношение «более–менее» есть, по существу, соотношение метаморфемы и морфемы в символе; последняя никогда не исчерпывает первую” [там же].

Необходимость учета динамической структуры, а также модальности символа становится очевидной при обращении к развернутому семантико-синтаксическому способу символизации – антитезе. Показательны в этом отношении антитестические связи образной оппозиции „берег–пристань” (функциональные синонимы *поле, нива*) и „океан–море” в идиостиле Ю. Балтрушайтиса.

Каноническая для символистов идея двоемирия реализуется в идиостиле Ю. Балтрушайтиса прежде всего в образных параллелях „жизнь–берег”, а также „динобытие–море”: *Божий мир для нас – как море... / Мы на темном берегу / Глухо плачем о просторе, / Кто на*

радость, кто на горе, / Каждый – в замкнутом кругу (ЗС, с. 95)¹. Лексема *море* в качестве образа сравнения представлена в данном примере как знак мира сущностей, в то время как лексема *берег* реализуется в бытийной модальности. Лирический субъект – собирательное „мы” – является пространственным медиатором² между сухой (берегом) и водой (морем). Дифференциальный признак оппозиции эксплицитно выражен в лексеме *простор*. Прь антитетических связях рассматриваемых образных параллелей показательна модальная квалификация лирического субъекта-медиатора: *Для нас земля – последняя ступень... / В ночных морях она встает утесом, / Где человек, как трепетная тень, / Поник, один, с молитвенным вопросом* (ЗС, с. 148). В лексеме *земля* актуализируются семы двух значений: сема „суша” (в значении „суша” в противоположность воде); данную сему актуализирует творительный сравнения *она встает утесом*; сема „посюстороннее” (в значении „место обитания человека”). Пространственный медиатор *человек, как трепетная тень*, представленный в компаративной модальности, благодаря образу сравнения, а также дистантно расположенному обособленному определению *один* актуализирует семы „зыбкость, призрачность существования”, а также сему „сиротство”, которая в идиостиле Ю. Балтрушайтиса обычно получает самостоятельное словесное выражение.

Традиционная образная параллель „бытие–океан” выступает в идиостиле Ю. Балтрушайтиса в частную оппозицию с образной параллелью „земная жизнь–капля” (мейозис). Контрастное соположение лексем *капля* и *океан* в творительном сравнения смещает символические акценты: *Дремлет каплей в океане / Мир немых и тщетных слез, – / Мудр, кто в тишь последней грани сердце алчное принес!* (ЗС, с. 76). Возникает образная параллель „инобытие–последняя грань”. В вертикальном контексте образ последней грани соотносится с берегом, пристанью в смысле последнего пристанища, могилы, перехода в инобытие. Лексема *капля* в качестве мейозиса вступает в антитетическую связь с лексемой *океан*, перестраивая оппозицию „суша–вода”: *И пусть лишь каплей сердце дышит, но миг твой равен Бытию – / Весь Океан, не вал колышет / Твою заблудшую ладью!* (ЛисС, с. 233). Здесь антитетически сопоставляются образные параллели „человеческая жизнь–капля” и „бытие–стихия, океан”.

¹ Примеры из идиостиля Ю. Балтрушайтиса цит. по изданию: Балтрушайтис Ю. Земные ступени, Элегии, Песни. Поэмы. М., 1911 (сокращенно – ЗС); Балтрушайтис Ю. Горная гроза. М., 1912 (сокращенно – ГТ); Балтрушайтис Ю. Лилия и Серп // Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс, 1963 (сокращенно – ЛисС).

² Под медиатором подразумевается промежуточный образ, нейтрализующий или актуализирующий семантическую оппозицию.

В том случае, когда пространственным медиатором становится природная реалья, а не субъект (олицетворение), антитегические связи образных параллелей нейтрализуются: *В море, в поле – та же воля, / Всюду звонок свист и вой, / Весела земная Доля в час тревоги грозовой* (стихотворение „Ветер”, ЗС, с. 41). Стихийный медиатор *ветер* способствует нейтрализации антитезы, так как атрибутом ветра является простор, пространство без граней. Для стихийного медиатора простор является его субстанциональным свойством, стирающим грань между бытием и инобытием.

В случае, когда в качестве медиатора выступает лирический субъект – одушевленное лицо – атрибут „простор” становится нерелевантным лишь в случае метонимического замещения субъекта, напр., *Речет в ночном океане / Дух мой свободно й волной... / Огненно зыблясь без грани, / Тайна – лишь тайна со мной* (ГТ, с. 106).

Когда лирический субъект – пространственный медиатор – метонимически представлен природной реальией, образная оппозиция „пристань–океан” (человеческая жизнь–космическое бытие) семантически усложняется: *Чу! Океан бытия! Быль не пристань моя! Трепетный парус вскинь – / В море, в смятенье – / Аминь!* (ЛиС, с. 240). В горизонтальном контексте метонимический представитель лирического субъекта (олицетворения) *парус* актуализирует семы „зыбкость, неустойчивость” благодаря определению „трепетный”. Контактное соположение конкретной реалии *море* и абстрактной реалии *смятенье* способствует актуализации сем „одушевленное” (отсылающей к *парусу*) и „душевная тревога”. Вертикальный контекст изречения *Аминь* способствует актуализации семы *конец*. Таким образом, становится очевидным, что метафора *океан бытия* так же, как и образная реалья *море*, образует параллель с инобытием, в то время как образ пристани соотносится с прожитой жизнью.

Для всех рассмотренных антитегических конструкций дифференциальными являются признаки, чаще всего эксплицитно выраженные в лексемах: *простор, воля* и *неволя, несвобода*. Представление о мире явлений как о пространственной неволе в противовес стихийной воле и о бытийной несвободе в противовес покою или свободе в инобытии порождает соответствующую расстановку символических акцентов в рассматриваемом идиостиле. Если стихийный медиатор (выраженный олицетворением) нейтрализует антитезу благодаря органическому слиянию с контрастными реальиями, то лирический субъект – одушевленное лицо – также нейтрализует антитезу, только обратным способом, отчуждаясь от контрастных реалий мира зримого: *Снятся кормчим в час недоли / В море кивы, их роса, Где в бреду инои неволи, Светят сердцу паруса!* (ЛиС, с. 170).

**J. BALTRUŠAITIS' IDEA OF DOUBLEWORLDNESS IN LINGUOPOETIC
INTERPRETATION**

R. ČIČINSKAITĖ

Summary

This article deals with the poetic symbol structure as the dynamics of poetic sense. This poetic sense can be expressed by a figurative restructuring of the leseme, taking into account its modality. The most significant way of symbolization in J. Baltrušaitis' idiostyle is antithesis. The canonic idea of doubleworldness is usually realized with its help.

ЛИТЕРАТУРА

Свасьян, 1980 – С в а с ь я н К. А. Проблема в современной философии. Ереван, 1980.

Мелетинский, 1976 – М е л е т и н с к и й Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.

**Вильнюсский государственный
университет
Кафедра русского языка**

Февраль 1989